

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.3>

UDC 394
LBC 63.5

Submitted: 03.02.2023
Accepted: 19.04.2023

**TRAVEL DIARIES OF B.A. KUFTIN,
THE HEAD OF THE TUNGUSKA EXPEDITION, AS SOURCES
OF THE EPOCH OF THE FORMATION OF SOVIET ETHNOGRAPHY**

Sergey V. Bereznitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Petr V. Primak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the travel diaries of the head of the Tunguska expedition of 1927–1928, Boris Kuftin (1892–1953). *Methods and materials.* Participants of the Tunguska Expedition conducted field research on Lake Baikal and the Far East in places where Evenks, Nanais, Negidals, Nivkhs, Oroches, and Udeges people lived. They collected valuable ethnographic materials about the ethnocultural features of settlement, types of dwellings, fishing activities, life cycle rituals, shamanism, holidays, and features of the language and folklore of the Tunguso-Manchus and Paleoasiats. Field notebooks of B.A. Kuftin are stored in St. Petersburg, in the Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, and contain a large volume of ethnographic and anthropological information, drawings, shamanic texts, and various life support technologies. *Results.* However, in addition to them, the scientific heritage of the scientist has a travel diary, which reflects personal road observations and impressions of B.A. Kuftin, subjective characteristics of regional transport infrastructure in the first quarter of the 20th century, his own assessments of the development of Siberian and far Eastern historical science, their relationship with world science, and museum business in Eastern Siberia and the Far East. During the route, B.A. Kuftin met a large number of scientists – representatives of different scientific disciplines – who showed aspects of their complex social relations at the time.

Key words: Eastern Siberia; Far East; Tunguska expedition of 1927–1928; Boris Alekseyevich Kuftin; manuscript about the expedition; subjective assessments of the Siberian and Far Eastern ethno-cultural and social environment.

Citation. Bereznitsky S.V., Primak P.V. Travel Diaries of B.A. Kuftin, the Head of the Tunguska Expedition, as Sources of the Epoch of the Formation of Soviet Ethnography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 36-45. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.3>

УДК 394
ББК 63.5

Дата поступления статьи: 03.02.2023
Дата принятия статьи: 19.04.2023

**ПОЛЕВЫЕ ДНЕВНИКИ Б.А. КУФТИНА,
РУКОВОДИТЕЛЯ ТУНГУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ,
КАК ИСТОЧНИКИ ЭПОХИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ**

Сергей Васильевич Березницкий

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Петр Викторович Примак

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются путевые дневники руководителя Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. Бориса Алексеевича Куфтина (1892–1953). Участники Тунгусской экспедиции проводили полевые исследования на Байкале и Дальнем Востоке в местах проживания эвенков, нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, собрали ценные этнографические материалы об этнокультурных особенностях расселения, типов жилищ, промысловой деятельности, обрядов жизненного цикла, шаманства, праздников, особенностей языка и фольклора тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов. Полевые тетради Б.А. Куфтина хранятся в Санкт-Петербурге, в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, содержат в себе большой объем этнографической и антропологической информации, рисунков, шаманских текстов, различных технологий жизнеобеспечения. Однако кроме них в научном наследии ученого имеется путевой дневник, который отражает его личные дорожные наблюдения и впечатления, субъективные характеристики региональной транспортной инфраструктуры в первой четверти XX в., собственные оценки процесса развития сибирской и дальневосточной исторической науки, их связи с мировой наукой, музейного дела в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Во время маршрута Б.А. Куфтин встретил большое количество ученых – представителей разных научных дисциплин, показал аспекты их сложных социальных связей того времени. *Вклад авторов.* С.В. Березницкий собирал и анализировал материалы, связанные с изучением Б.А. Куфтиным коренных народов Восточной Сибири и Дальнего Востока России; с мнением ученого о процессе становления советской науки в этих регионах. П.В. Примак уделил внимание влиянию личности ученого на ход и особенности проводимых им научных экспедиций.

Ключевые слова: Восточная Сибирь; Дальний Восток; Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг.; Борис Алексеевич Куфтин; рукопись о ходе экспедиции; субъективные оценки сибирской и дальневосточной этнокультурной, социальной среды.

Цитирование. Березницкий С. В., Примак П. В. Полевые дневники Б.А. Куфтина, руководителя Тунгусской экспедиции, как источники эпохи становления советской этнографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 36–45. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.3>

Введение. Борис Алексеевич Куфтин был назначен руководителем Тунгусской экспедиции, проходившей с 1927 по 1928 г. в Восточной части Сибири и на Дальнем Востоке, организованной МГУ (Антропологическим институтом) и Центральным музеем народоведения. В задачи этого масштабного научного мероприятия входило изучение двумя отрядами тунгусо-маньчжуров и других аборигенных народов региона (антропологический тип, этногенез, расселение, особенности материальной и духовной культуры). Собранные экспедицией уникальные этнографические коллекции и фотоматериалы были переданы в столичные архивы и, впоследствии, частично привлекались отечественными учеными в своих исследованиях [1, с. 36, 38, 43, 53; 2; 3; 4; 5; 10, с. 277; 11, с. 156; 17; 21; 22, с. 134–135, 299–301; 26].

Отечественные ученые подробно рассматривали в целом деятельность Тунгусской экспедиции, отдельных ее членов, в том числе и кратко, Б.А. Куфтина как ее руководителя; сделали важные выводы о развитии московской школы этнографии на основе использования материалов, научных дневников, хранящих-

ся в архивах страны, музейных коллекций, антропологических сведений [12; 13], Однако анализируемый путевой дневник Б.А. Куфтина не исследовался именно как специфический документ эпохи становления советской этнографической науки в целом.

Методы и материалы. Подобные проблемы разрабатывались отечественными и зарубежными учеными со второй половины XX в.: нидерландский историк Ж. Прессер [28, с. 32], Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, А.Я. Гуревич, Л.П. Репина и другие [9, с. 15; 14; 19, с. 486; 24, с. 167–181; 25, с. 176; 27, с. 14]. К такого рода источникам относятся личные дневники, переписка, мемуары и другие сходные жанры.

В качестве методологической основы статьи взята концепция Л.Ф. Луцевич, которая считает, что семантический анализ путевого дневника позволяет сделать вывод о нем, как о своеобразном виде автобиографии, как об особом жанре документального изложения автором своего жизненного или научного пути через раскрытие специфики отношений с окружающим миром, социокультурной средой в разные исторические периоды [20, с. 46–47].

На взгляд авторов данной статьи, такая трактовка сущности путевого источника вполне соответствует жанру анализируемой рукописи путевого дневника Б.А. Куфтина, в которой акцент сделан не на анализе этнографических фактов, чему посвящены полевые тетради ученого, а именно на осмыслении дороги, маршрута, диалогов и бесед со встречающимися людьми, на любовании и попытках описания сибирской и дальневосточной природы. В последнем Б.А. Куфтин вполне мог подражать В.К. Арсеневу, восхищенный его писательским талантом.

Вероятно, Борис Алексеевич планировал в дальнейшем издать обобщающий труд, посвященный возглавляемой им экспедиции, в связи с чем, в своих дневниковых записях уделял большое внимание литературному описанию окружающей природы и бытовой жизни посещенных народов: «...перед нами открылся весь стан со стадами жмущихся друг к другу и отдыхающих вокруг дымокуров оленей. Огромные ветвистые рога этих кротких и удивительно доверчивых животных <...> казались фантастическим живым лесом или подводными коралловыми зарослями. Весь ландшафт был настолько своеобразным и законченным в себе, что не верилось в его современность и почти навязчиво держалось впечатление, что эта древняя минувшая быль, какой-то чудесно сохранившийся кусок далекого прошлого» [15, с. 39]. Во многих местах дневника видна правка рукой Куфтина чернилами другого цвета первоначального текста: названия поселений и т. п.

Анализ. Читатель может проследить маршрут Куфтина в его путевых заметках на огромном пространстве (от Москвы до Хабаровска, по железной дороге, с остановками для работы на озере Байкал, в бассейне рек Зeya, Амур; с использованием водного транспорта с посещением на Байкале Нижне-Ангарска, Усть-Баргузина, Душкачан, на Амуре Троицкого, Николаевска-на-Амуре, в Татарском проливе – Советской Гавани, Датты, острова Сахалина; обратного возвращения в Москву через Владивосток в сравнительно короткий временной промежуток: с июня до конца сентября 1927 года.

Куфтинское «Я» всегда впереди, что проявляется даже при описании казусного и наполненного юмором случая опоздания на по-

езд: «Б.А. Васильев отстал от поезда в Красноярске, не успев сесть, тогда как я, догнав бегом, уцепился за последний вагон, с которого кондуктора стремились меня столкнуть обратно, а затем оштрафовать» [15, с. 6–7].

Научные контакты отражены в дневнике Куфтина чрезвычайно широко. Имеются в виду не только члены экспедиции, ставшие сами впоследствии известными учеными (Я.Я. Рогинский, М.Г. Левин, Б.А. Васильев), но и встретившиеся Куфтину в местах проведения экспедиции М.К. Азадовский, Б.О. Петри, В.И. Подгорбунский, Я.Н. Ходункин, Н.Н. Козьмин, М.М. Герасимов, А.М. Попова [23, с. 414–417, 419–420], Е.А. Крейнович, С.Г. Козин, а также упоминающиеся: Л.Я. Штернберг, В.К. Арсенев и другие исследователи, многие из которых в 30-х гг. XX в. были подвергнуты репрессиям.

На основе визита в Иркутский музей Куфтин осветил драматический период развития этого учреждения, сложные отношения сотрудников с руководством, вынужденные увольнения как следствие интриг, разного понимания «задач текущего момента» и предназначения науки. Несмотря на краткость визита, Куфтин успел принять участие в дискуссии сибирских ученых по поводу разных методик по сбору, хранению и экспонированию научных материалов [15, с. 65].

Ироничное отношение к людям выявляется и в описании Куфтиным его лекции о происхождении человека для пассажиров парохода на Байкале: «Говорил наивозможно простым языком...» [15, с. 29]. Скорее всего, эта ирония стала следствием задаваемых Куфтину вопросов о возможности скрещивания человека с обезьянами и другими животными.

Подобно В.В. Маяковскому в его стихотворении 1922 г. «Прозаседавшиеся» о засилье бюрократии в новом советском обществе, Куфтин искренне удивился тому, как быстро внедряются эти формы в жизнь коренных народов, в частности на заседании родового совета киндигирских эвенков о распределении ссуд на охотничий сезон: «было что-то неестественное в этом собрании тунгусов охотников в душном помещении, когда можно было решить вопросы под открытым небом... Но таковы люди и понимание требований новой культуры...» [15, с. 33–34].

Проанализировав морфологическую специфику челюсти одного эвенка, Куфтин затронул чрезвычайно интересную не только в то время, но и в последующие десятилетия тему об антропогенезе, а также о моральной недопустимости фальсификаций в науке [8, с. 84–85]. Куфтин, несмотря на свойственную ему прямому действиям и суждениям, здесь проявил разумную осторожность: «В антропологической литературе еще до сих пор не затих спор о принадлежности пилтдаунской челюсти человеку или обезьяне. Настоящий случай указывает, что некоторые ее особенности укладываются в пределы вариаций современного человека» [15, с. 39–40].

В Николаевске-на-Амуре Куфтин кратко осветил деятельность одного из военных командиров Гражданской войны Я.И. Тряпицына: «...сложил свой багаж в... школе – единственном, кажется, каменном здании, сохранившемся от разрушения Николаевска революционером бандитом Тряпицыным» [16, с. 13]. Во время пребывания на Сахалине в течение нескольких часов Куфтин успел осветить сложнейшую проблему советско-японских отношений, отметить японскую инфраструктуру: «Проезжали мимо заброшенных японских сооружений – во время интервенции (узкоколейную дорогу на рудники, многочисленные мосты, теперь разрушенные). Они вложили уже здесь много энергии» [16, с. 22].

Особенность эпохи в дневнике Бориса Алексеевича передается также с помощью терминов и понятий, о которых современный читатель имеет весьма смутное представление, например, циклодром, который был важным звеном развития регионального спорта в Иркутске еще с XIX в.; башлык – бригадир артели рыбаков на Байкале; специфические названия промысловой одежды, частей невода, связанных с социальными нормами распределения добытой рыбы; овины – сооружения для сушки зерновых снопов с хлебом, по мнению байкальских крестьян, эти овины были заимствованы с р. Лена, что говорило об активных этнокультурных контактах. Куфтин писал и о желании некоторых русских в связи с хозяйственной целесообразностью, дабы обойти запрет на аренду земли у аборигенного населения, записать себя в документах как тунгусов: «...чисток-

ровные русские <...> чтобы удалось права на тунгусские земли... русские стремятся приписаться в тунгусы» [15, с. 51].

Открытием для Б.А. Куфтина стала информация о том, что русские рыбаки предпочитают каботажное плавание и даже в хорошую погоду передвигаются вдоль берегов Байкала, а тунгусы это озеро никогда не переезжают [15, с. 62]. В Николаевске-на-Амуре исследователь делает трогательную запись: «Ночью наблюдал прилив с прибоем, хорошо заметный в лимане у устья Амура. Это была первая встреча с Тихим океаном» [15, с. 15].

Даже краткие заметки Куфтина связаны с целыми отраслями промышленности и транспорта того времени: Дальлес, Дальрыбтрест, Совторгфлот, Японская лесная концессия, зафрахтованный китайский пароход, которые достойны отдельного рассмотрения. Путевые заметки Куфтина настолько глубоки, что могут быть использованы для написания трудов, в которых решаются вопросы этногенеза коренных народов дальневосточного региона, их этнической истории, культурных контактов с соседними восточными цивилизациями и славянскими переселенцами [6; 7; 21, с. 359].

Спецификой передвижений Куфтина были частые рискованные предприятия, угрожающие не только не успеть на рейс парохода, поезда, но могущие привести к нарушению плана всей экспедиции. Например, поиски стоянок древних людей вдоль железной дороги от Байкала к Иркутску за несколько часов до отправления поезда; подобные поиски средневековых поселений на р. Зее. Некоторые отклонения от маршрута не были даже связаны с планами экспедиции, а являлись показателем крайней любознательности Куфтина, и его любовью к риску, к примеру, посещение на Байкале курорта в Горячинске, бурятских стойбищ, баргузинского цыганского табора. Следует подчеркнуть особенность менталитета европейцев и эвенков: для первых горячие источники были нужны для лечения болезней, а для вторых являлись священным местом, для хозяев которых они оставляли угощение в виде сахара, чая, папирос и лоскутов материи. Куфтин описал окрестности курорта и его флору: «Кусты... багульника были покрыты лиловато-розовыми цветами. Ребя-

тишки их с удовольствием едят. Действительно, цветы имеют сладковатый смолистый вкус». Куфтин старался не только записать интересные, по его мнению, моменты маршрута, зарисовать некоторые из них, но пробовал на вкус растения, по примеру детей, хотя описываемые цветы не входили в пищевую модель эвенков.

Куфтин был настолько уверен в своих силах, что даже планировал пешком пересечь хребет Сихотэ-Алинь, чтобы вовремя попасть к месту работы другого отряда Тунгусской экспедиции в районе Татарского пролива, так как железнодорожное сообщение между Хабаровском и Владивостоком было прервано из-за разлива рек. Куфтин боялся потерять буквально минуту экспедиционного времени и даже в моменты вынужденного ожидания транспорта старался расширить свой кругозор. Например, в Хабаровске «...вечером был в китайской слободе и в китайском театре. Ни одного русского и китайский колорит довольно выдержан» [15, с. 78]. Тем самым Куфтин затронул серьезную проблему засилья китайцев не только в различных сферах жизни советских дальневосточных городов, но и их недопустимого отношения к представителям аборигенного населения. Упомянутый в дневнике В.К. Арсеньев долгие годы боролся с этими явлениями, возглавляя специальные военные команды.

В путевом дневнике Куфтина имеются ностальгические воспоминания о Крыме, где он в 1924–1925 гг. изучал крымских татар [18]. Любуясь сибирской и дальневосточной природой, Куфтин всегда сравнивал эти пейзажи с крымскими: «...в синей воде Байкала и в голубых далях грезился Крым...»; Татарский пролив: «...зеленый простор, голубое небо и скалистые крутые берега, тонущие в голубой дымке. Но нет того ласкающего света и тепла как в Крыму» [15, с. 53; 16, с. 45].

Бросаются в глаза развитые амбиции Куфтина как московского профессора, руководителя экспедиции: «...все участники являлись учениками одной антропологической кафедры и, в частности, моими...» [15, с. 2]. Имеется огромное количество примеров того, как он начинал предложения с местоимения «я», даже если описывал коллективный поход, путешествие на лодке: я с таким-то пошел, я с такими-то поехал, я с таким-то

занился фотографированием, я решил и т. п. Куфтин описал эпизод с местным корреспондентом на Байкале, который отказался уступить бурятский культовый предмет для московского музея, ответив, что подарит его школьному музею.

Неоднократно Куфтин подчеркивал, что находится в прекрасной физической форме. Это видно из описания его участия в гонках на веслах на Байкале и Тумнине, в длительных многокилометровых пешеходных маршрутах в окрестностях Байкала и вдоль Амура, в форсировании рек вброд, в «борьбе» с дальневосточным гнусом. Кстати, о последнем эпизоде Куфтин очень эмоционально и с горечью писал как о своем проигрыше.

Мощный агрессивный исследовательский напор Куфтина нередко приводил к нарушению этики полевой этнографической работы (в современном ее понимании). Например, он не гнушался использовать алкоголь: «За спирт удалось приобрести связку домашних идолов, которые иначе получить совершенно невозможно» [15, с. 40–41]. Куфтин обильно угощал алкоголем шамана, а затем сам же сокрушался о том, что этот пьяный человек не смог показать настоящего шаманского искусства.

Куфтин раскапывал могильники, погребения шаманов, забирая все пригодное для музея. В своей методике он нередко шел на хитрость и привлекал информантов обещанием показать «волшебные картинки» при помощи специального фонаря. После просмотра этих картинок Куфтин в буквальном смысле заставил тунгусскую шаманку провести камлание, так как она, якобы, задолжала за просмотр туманных картин. Описывая ситуацию с необходимостью фотографирования эвенкийской ритуальной скульптуры, Куфтин, не скрывая писал в дневнике о том, что он обманул хозяина этих священных предметов, сказав ему что этого фотографирования потребовала местная шаманка.

Иногда специфика такой методики сбора информации и коллекций, оборачивались не только против Куфтина, но могли стать бедствием для эвенков. Однажды, заполучив культовую скульптуру, Куфтин подвергся нападению на него с ножом хозяйки этой скульп-

птуры [15, с. 73–74]. В конце концов, он добился своего и купил коллекцию.

На р. Амур Куфтин был обескуражен агрессивным поведением выделенного для нужд экспедиции нанайца-переводчика, студента Северного факультета, который решительно потребовал от Куфтина огромной суммы за свою работу. Отказавшемуся платить Куфтину студент заявил, что считает работу экспедиции бессмысленной и даже обещал напечатать об этом статью в газете. «По-видимому, годичное пребывание на курсах не успело привить ему бескорыстной любви и уважения к знанию и сообщило ему какое-то странное самомнение и гипертрофированное классовое самосознание» [16, с. 1–5]. Борис Алексеевич также упомянул случаи, когда орочи обманывали его после того, как он без их согласия унес деревянного идола с могилы близнеца, почитаемого в традиционном обществе. В результате орочи стали избегать встреч с Куфтиным, не помогли ему переносить тяжелые предметы, и обманом направили в стойбище, откуда они уже увезли шамана, с которым Куфтин хотел встретиться. Однако огорчение Куфтина было основано именно на том, что орочи смогли перехитрить его, так как до сих пор это удавалось только ему. В дневнике встречаются и размышления Куфтина о межцивилизационных контактах европейцев с аборигенами Сибири, высокая оценка моральных качеств последних: «Несколько удэхе находилось в Троицком, но были все достаточно пьяны, хотя не настолько, чтобы не осознавать этого. Мне они сказали, что сегодня мы пьяны и ты нам не верь, так как мы правильно сказать тебе ничего не сможем. Эта простота и искренность были трогательны»; «Вообще отношение тунгусов к нам было очень хорошим и как-то особенно приветливым. Это возможно было отнести только к их прекрасному нраву. Какая-то особая степенность, чувство достоинства и в то же время детская простота и ласковость в обращении невольно поражала. От них мы получили много, а что мы им дали?» [15, с. 46–47]. Куфтин удивлялся отношению орочей к запрету советским государством многоженства, как нарушающим многовековые устои: «Мы увидели, что советы ничего не понимают и стали жить по-своему, ничему не веря,

закончил он» [16, с. 38]. В конце экспедиции орочи стали относиться к Борису Алексеевичу более снисходительно и обещали даже заступиться за него перед своими духами.

Результаты. Таким образом, анализ путевого дневника Б.А. Куфтина показывает многогранность его натуры, как этнографа, социолога, ботаника, географа, писателя, художника. Борис Алексеевич в общих чертах обозначил методы, используемые при проведении экспедиционных исследований. Это касается раскопок могильников, обработки остеологического материала, антропометрии, получения этнографической информации, фотографирования, зарисовки, записи особенностей быта и культовых действий. Эти записи характеризуют его как ученого, сочетающего в методике полевой работы теорию и практику этнографической, исторической, археологической науки, физической антропологии. Через год в Ленинграде на известном совещании советских этнографов Б.А. Куфтин будет дискутировать с В.Г. Богоразом и доказывать эффективность кратковременной полевой работы этнографа, обладающего необходимым опытом и знаниями [1, с. 37–39, 43 и др.].

Однако основной объем дневника заполнен именно путевыми впечатлениями, осмыслением наблюдаемой жизни, субъективной оценкой происходящих событий. Вбирая в себя наблюдаемые явления и модифицируя их через свой опыт и багаж знаний, Куфтин показал историю целенаправленного, научного освоения бассейна озера Байкал и дальневосточного региона, а также социокультурную и этнокультурную специфику жизни аборигенного населения. В окрестностях Байкала, бассейнах Амура и Тумнина в 1927 г. работали десятки различных экспедиций, шел активный процесс изучения и освоения этих регионов. Куфтин проявил себя как опытный путешественник, максимально старавшийся сделать все для получения этнографических данных о коренных народах и их сложных межэтнических отношений. Именно деятельность Куфтина была важным и действенным механизмом для достижения поставленной в Москве высокой цели, для получения предельной пользы руководимой им Тунгусской экспедиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алымов С. С., Арзютов Д. В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // «От классиков к марксизму»: совещание этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–83.
2. Алымов С. С., Решетов А. М. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М.: Вост. лит., 2003. С. 227–268.
3. Березницкий С. В. Полевые дневники Б. А. Куфтина как уникальный источник по культуре коренных народов амуро-сахалинского региона первой трети XX в. // V Северный археологический конгресс. Екатеринбург: Унив. тип. «Альфа-Принт», 2019. С. 400–402.
4. Березницкий С. В. Полевые материалы Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. как источник по истории и этнографии российского Дальнего Востока // Девятые Гродековские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Гражданской войны в России. Т. III. Хабаровск: Хабар. краев. музей им. Н.И. Гродекова, 2018. С. 123–126.
5. Березницкий С. В. Фотоколлекции Тунгусской экспедиции в фондах Музея антропологии и этнографии РАН // Вопросы музеологии. 2018. № 9 (1). С. 111–119.
6. Березницкий С. В. Об этногенезе тунгусо-маньчжуров Дальнего Востока // Сибирь: древние этносы и их культуры / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 1996. С. 146–164.
7. Березницкий С. В., Примак П. В. Аборигенная составляющая образа Дальнего Востока // Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. Серия 1. Гуманитарные науки. Биробиджан: ДВГСГА. 2008. № 1. С. 39–51.
8. Гремяцкий М. Происхождение человека. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 133 с.
9. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников: (Exempla XIII в.). М.: Искусство, 1989. 401 с.
10. Давыдов В. Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем / отв. ред. и сост. В. А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 267–280.
11. Давыдов В. Н. Национальная эвенкийская деревня на северном Байкале: сопротивление доминирующему дискурсу // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI, № 3. С. 146–163.
12. Давыдов В. Н. Северобайкальский отряд Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг.: участники, методы, полевые материалы // Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов. Якутск: Электрон. изд-во НБ РС(Я), 2019. С. 217–223.
13. Давыдов В. Н., Сирина А. А. Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. и ее место в истории московской этнографической школы // Поле как жизнь. К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 39–49.
14. Зарецкий Ю. П. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования немецких историков // Социальная история. Ежегодник. СПб.: Алетейя, 2008. С. 329–340.
15. Куфтин Б. А. Краткий эпизодический дневник Тунгусской экспедиции Антропологического института I Московского Государственного Университета и Центрального Музея Народоведения летом 1927 года // Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (далее – МАЭ РАН). Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. 81 л.
16. Куфтин Б. А. Краткий эпизодический дневник Тунгусской экспедиции Антропологического института I Московского Государственного Университета и Центрального Музея Народоведения летом 1927 года // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. 46 л.
17. Куфтин Б. А. Пейзажные зарисовки о Байкале, о Сахалине. Полевые зарисовки. Карандаш. 1927 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. 29 л.
18. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. (Материалы и вопросы). М.: Тайнин. печатник, 1925. 78 с.
19. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю. М. Карамзин. Сотворение Карамзина: статьи и исследования, 1957–1990: заметки и рецензии. СПб.: Искусство, 1997. С. 485–564.
20. Луцевич Л. Ф. Документальность, эго-документ, русская писательская исповедь // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым / под ред. Н. М. Куренной. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 41–63.
21. Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории) / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 1999. 359 с.
22. Огрызко В. В. Отечественные исследователи коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: библиографический словарь. М.: Лит. Россия, 2013. 664 с.
23. «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы: избранные статьи / сост. А. А. Сирина. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН; Иркутск: [б. и.], 2013. 464 с.

24. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.

25. Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 167–181.

26. Решетов А. М. Б.А. Куфтин – выдающийся советский этноархеолог // Интеграция археологических и этнографических исследований / отв. ред. Н. А. Томилов [и др.]. Владивосток; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 45–47.

27. Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 14–31.

28. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым / под ред. Н. М. Куренной. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 24–40.

REFERENCES

1. Alymov S.S., Arzjutov D.V. Marksistskaja etnografija za sem dnej: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskih socialnyh naukah v 1920–1930-e gody [Marxist Ethnography in Seven Days: A Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad and Discussions in Soviet Social Sciences in the 1920s and 1930s]. Arzjutov D.V., Alymov S.S., Anderson D.Dzh., eds. «Ot klassikov k marksizmu»: soveshhanie etnografov Moskvy i Leningrada 1929 g. [“From the Classics to Marxism”: Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad in 1929]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2014, pp. 21–83.

2. Alymov S.S., Reshetov A.M. Boris Alekseevich Kuftin: izlomy zhiznennogo puti [Boris Alekseevich Kuftin: The Kinks of Life]. Tumarkin D.D., ed. *Repressirovannye etnografy. Vyp. 2* [Repressed Ethnographers. Iss. 2]. Moscow, Vost. lit., 2003, pp. 227–268.

3. Bereznitsky S.V. Polevye dnevniki B.A. Kufтина kak unikalnyj istochnik po kulture korennyh narodov amuro-sahalinskogo regiona pervoj treti XX v. [Field Diaries of B.A. Kuftin as a Unique Source on the Culture of the Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin Region of the First Third of the 20th Century]. *V Severnyj arheologicheskij kongress* [The 5th Northern Archaeological Congress]. Yekaterinburg, Univ. tip. «Alfa-Print», 2019, pp. 400–402.

4. Bereznitsky S.V. Polevye materialy Tungusskoj ekspedicii 1927–1928 gg. kak istochnik po istorii i

etnografii rossijskogo Dalnego Vostoka [Field Materials of the Tunguska Expedition of 1927–1928 as a Source on the History and Ethnography of the Russian Far East]. *Devjatye Grodekovskie chtenija. Materialy mezhhregionalnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhionnoj 100-letiju nachala Grazhdanskoj vojny v Rossii. T. III* [The Ninth Grodekov Readings. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Beginning of the Civil War in Russia. Vol. 3]. Habarovsk, Habar. kraev. muzej im. N.I. Grodekova, 2018, pp. 123–126.

5. Bereznitsky S.V. Fotokollekcii Tungusskoj ekspedicii v fondah Muzeja antropologii i etnografii RAN [Photo of the Tunguska Expedition Collection in the Funds of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. *Voprosy muzeologii* [Questions of Museology], 2018, no. 9(1), pp. 111–119.

6. Bereznitsky S.V. Ob etnogeneze tungusomanchzhurov Dalnego Vostoka [About the Ethnogenesis of the Tungus-Manchus of the Far East]. Pavlinskaja L.R., ed. *Sibir: drevnie etnosy i ih kulturny* [Siberia: Ancient Ethnic Groups and Their Cultures]. Saint Petersburg, MAE RAN, 1996, pp. 146–164.

7. Bereznitsky S.V., Primakov P.V. Aborigennaja sostavljajushhaja obraza Dalnego Vostoka [The Aboriginal Component of the Image of the Far East]. *Vestnik Dalnevostochnoj gosudarstvennoj socialno-gumanitarnoj akademii. Seriya 1. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Far Eastern State Social and Humanitarian Academy. Series 1. Humanities]. Birobidzhan, DVGSGA, 2008, no. 1, pp. 39–51.

8. Gremjackij M. *Proishozhdenie cheloveka* [The Origin of Man]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1925. 133 p.

9. Gurevich A.Ja. *Kultura i obshhestvo srednevekovoj Evropy glazami sovremennikov: (Exempla XIII v.)* [Culture and Society of Medieval Europe Through the Eyes of Contemporaries (Exempla 13th Century)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1989. 401 p.

10. Davydov V.N. Vlast provodnika: kajury-evenki i ispolzovanie olenogo transporta na Severnom Bajkale [The Power of the Guide: Kayura-Evenki and the Use of Deer Transport on Northern Baikal]. Popov V.A., ed. *Rannie formy potestarnykh sistem* [Early Forms of Potestary Systems]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2013, pp. 267–280.

11. Davydov V.N. Nacionalnaja evenkijskaja derevnya na severnom Bajkale: soprotivlenie dominirujushhemu diskursu [The National Evenk Village on Northern Baikal: Resistance to the Dominant Discourse]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2008, vol. XI, no. 3, pp. 146–163.

12. Davydov V.N. Severobajkalskij otryad Tungusskoj ekspedicii 1927–1928 gg.: uchastniki,

metody, polevye materialy [The North Baikal Unit of the Tunguska Expedition 1927–1928: Participants, Methods, Field Materials]. *Eho arkticheskoy Odissei: sudby etnicheskikh kultur v issledovaniyah uchenyh-severovedov* [Echo of the Arctic Odyssey: The Fate of Ethnic Cultures in the Studies of Northern Scientists]. Yakutsk, Elektron. izd-vo NB RS(Ya), 2019, pp. 217-223.

13. Davydov V.N., Sirina A.A. Tungusskaya ekspediciya 1927–1928 gg. i ee mesto v istorii moskovskoj etnograficheskoy shkoly [The Tunguska Expedition of 1927–1928 and Its Place in the History of the Moscow Ethnographic School]. *Pole kak zhizn. K 60-letiyu Severnoj ekspedicii IEA RAN* [Field Like Life. To the 60th Anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 39-49.

14. Zareckij Ju.P. Svidetelstva o sebe «malenkih» ljudej: novye issledovaniya nemeckih istorikov [Testimonies of “Little” People About Themselves: New Research by German Historians]. *Socialnaja istorija. Ezhegodnik* [Social History]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2008, pp. 329-340.

15. Kuftin B.A. Kratkij epizodicheskij dnevnik Tungusskoj ekspedicii Antropologicheskogo instituta I Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta i Centralnogo Muzeja Narodovedeniya letom 1927 goda [A Brief Episodic Diary of the Tunguska Expedition of the Anthropological Institute of the First Moscow State University and the Central Museum of Folk Studies in the Summer of 1927]. *Arkhiv Muzeja antropologii i etnografii Rossijskoj akademii nauk (daleye – MAE RAN)* [Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (hereinafter MAE RAS)], f. 12, inv. 1, d. 51. 81 l.

16. Kuftin B.A. Kratkij epizodicheskij dnevnik Tungusskoj ekspedicii Antropologicheskogo instituta I Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta i Centralnogo Muzeja Narodovedeniya letom 1927 goda [A Brief Episodic Diary of the Tunguska Expedition of the Anthropological Institute of the First Moscow State University and the Central Museum of Folk Studies in the Summer of 1927]. *Arhiv MAE RAN* [Archive of the MAE RAS], f. 12, inv. 1, d. 52. 46 l.

17. Kuftin B.A. Pejzazhnye zarisovki o Bajkal, o Sahalin. Polevye zarisovki. Karandash. 1927 g. [Landscape Sketches of Lake Baikal, Sakhalin Island. Field Sketches. Pencil. 1927]. *Arhiv MAE RAN* [Archive of the MAE RAS], f. 12, inv. 1, d. 61. 29 l.

18. Kuftin B.A. *Zhilishhe krymskih tatar v svyazi s istoriej zaselenija poluoostrova. (Materialy i voprosy)* [The Dwelling of the Crimean Tatars in Connection with the History of Settlement of the Peninsula. (Materials and Questions)]. Moscow, Taynin. pechatnik, 1925. 78 p.

19. Lotman Ju.M., Uspenskij B.A. «Pisma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ih mesto v razvitii russkoj kultury [Russian Travelers Letters by Karamzin and Their Place in the Development of Russian Culture]. Lotman Ju.M. *Karamzin. Sotvorenije Karamzina: statyi i issledovaniya, 1957–1990: zametki i recenzii* [Karamzin. The Creation of Karamzin: Articles and Studies, 1957–1990: Notes and Reviews]. Saint Petersburg, Iskusstvo Publ., 1997, pp. 485-564.

20. Lucevich L.F. Dokumentalnost, ego-dokument, russkaja pisatel'skaja ispoved [Documentary, Ego-Document, Russian Writers Confession]. Kurenajaja N.M., ed. *Dokument i «dokumentalnoe» v slavjanskikh kulturah: mezhdru podlinnym i mnimym* [Document and “Documentary” in Slavic Cultures: Between the Authentic and the Imaginary]. Moscow, In-t slavjanovedeniya RAN, 2018, pp. 41-63.

21. Pavlinskaja L.R., ed. *Narody Sibiri v sostave gosudarstva Rossijskogo (očerki etnicheskoy istorii)* [The Peoples of Siberia as Part of the Russian State (Essays on Ethnic History)]. Saint Petersburg, MAE RAN, 1999. 359 p.

22. Ogryzko V.V. *Otechestvennye issledovateli korenyh malochislennyh narodov Severa i Dalnego Vostoka: biobibliograficheskij slovar* [Domestic Researchers of Indigenous Peoples of the North and the Far East]. Moscow, Lit. Rossija Publ., 2013. 664 p.

23. Sirina A.A., ed. «Provincialnaja» nauka: etnografija v Irkutske v 1920-e gody: izbrannye statyi [“Provincial” Science: Ethnography in Irkutsk in the 1920s]. Moscow, Irkutsk, s.n., 2013. 464 p.

24. Repina L.P. *Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: socialnye teorii i istoriograficheskaja praktika* [Historical Science at the Turn of the 20th – 21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow, Krug Publ., 2011. 560 p.

25. Repina L.P. Socialnaja istorija i istoricheskaja antropologija: novejsie tendencii v sovremennoj britanskoj i amerikanskoj medievistike [Social History and Historical Anthropology: The Latest Trends in Modern British and American Medieval Studies]. *Odissej: Chelovek v istorii* [Odysseus: A Man in History]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 167-181.

26. Reshetov A.M. B.A. Kuftin – vydajushhijsoj sovetskij etnoarheolog [B.A. Kuftin – An Outstanding Soviet Ethnoarchaeologist]. Tomilov N.A. et al., eds. *Integracija arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Vladivostok, Omsk, Izd-vo OmGPU, 2000, pp. 45-47.

27. Troickij Ju.L. Analitika ego-dokumentov: instrumentalnyj resurs istorika [Analysis of Ego Documents: An Instrumental Resource of a Historian]. *Istorija v ego-dokumentah: Issledovaniya i istochniki*

[History in Ego Documents: Research and Sources]. Yekaterinburg, AsPUr Publ., 2014, pp. 14-31.

28. Filatova N.M. Podhody k izucheniju ego-dokumentov v sovremennoj istoricheskoy nauke v svete «lingvisticheskogo povorota» [Approaches to the Study of Ego Documents in Modern Historical Science

in the Light of the “Linguistic Turn”]. Kurennaja N.M., ed. *Dokument i «dokumentalnoe» v slavjanskih kulturah: mezhdru podlinnym i mnimym* [Document and “Documentary” in Slavic Cultures: Between the Authentic and the Imaginary]. Moscow, In-t slavjanovedenija RAN, 2018, pp. 24-40.

Information About the Authors

Sergey V. Bereznitsky, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Ethnography of Siberia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb., 3, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, svbereznitsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6235-5542>

Petr V. Primak, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, primakos@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4869-7471>

Информация об авторах

Сергей Васильевич Березницкий, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, svbereznitsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6235-5542>

Петр Викторович Примак, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, primakos@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4869-7471>